

Несколько глав этого романа появлялись как рассказы в журналах «Рыцарь», «Адам» и «НОЛА Экспресс»¹.

Это представлено как художественное произведение и никому не посвящается.

---

¹ «K n i g h t» — глянцевого мужской журнал, издавался с 1958 по 1978 г. «Adam» — лос-анджелесский мужской журнал, издавался с 1952 по 1996 г. «NO LA Express» — независимая политическая и художественная газета, основанная в 1967 г. в Нью-Орлеане поэтами Дарлин Файф и Робертом Хедом и названная в честь романа Уильяма С. Барроуза «Нова Экспресс» (1964). Название, кроме того, представляет собой акроним: «Новый Орлеан, Луизиана». Считается одним из основных и самых радикальных изданий американской контркультуры и «революции самиздата» 60-х гг. — *Здесь и далее примеч. перев.*

**Почтамт Соединенных Штатов
Лос-Анджелес, Калифорния**

Отдел Почтмейстера   1 января 1970 г.
Меморандум   742

КОДЕКС НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Настоящим обращаем внимание всех сотрудников на «Кодекс норм поведения» для почтовых служащих, изложенный в Разделе 742 «Почтовой инструкции», и «Руководство для работников», приведенное в Разделе 744 «Почтовой инструкции».

Уже много лет почтовые служащие держатся прекрасной и не превзойденной иными группами государственных служащих традиции верно служить Нации. Каждый служащий должен испытывать чувство

Чарльз Буковски

большой гордости за эту традицию преданной службы. Каждый из нас должен стремиться сделать достойным свой вклад в непрерывное движение Почтовой службы к будущему прогрессу в интересах общества.

Весь почтовый персонал обязан действовать с неуклонной порядочностью и безусловной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и блюсти законы Соединенных Штатов, а также правила и политику Почтовой службы. Для этого требуется не только высоконравственное поведение — официальные лица и наемные работники должны тщательно избегать действий, могущих быть истолкованными как препятствующие исполнению обязанностей почтового служащего. Данные обязанности должны выполняться сознательно и с пользой. Почтовая служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения с Федеральным правительством. Таким об-

разом каждому почтовому работнику представляется особая возможность и ответственность действовать с честью и достоинством, заслуживающими общественного доверия, что отражает ценность и заслуги Почтовой службы и всего Федерального правительства.

Все служащие обязаны изучить Раздел 742 «Почтовой инструкции», озаглавленный «Основные нормы нравственного поведения, личное поведение служащих, ограничения политической деятельности и т.д.».

Подпись ответственного лица

ОДИН

1

Вначале была ошибка. Стояло Рождество, и от алкаша, жившего на горке, я узнал, что берут туда чуть ли не всех подряд: он проделывал такой финт каждый год, потому я и пошел. И не успел глазом моргнуть, как у меня на горбу оказался кожаный мешок, и я его в свое удовольствие тащу. Вот так работенка, подумал я. Семечки! Дают всего квартал или два, и, если удастся их закончить, штатный почтальон скажет разнести еще один, или, может, вернешься, и в сортировке сунут еще — никакой спешки, распишываешь себе поздравительные открытки по щелям.

Кажется, на второй день рождественской халавы за мной письма разносить увязалась эта здоровая тетка. Здоровая в том смысле, что у нее была здоровая задница, здоровые сиськи, и вся она в нужных местах была здоровенной. Вроде как не в себе, но я глаз не мог оторвать от ее тела, и мне было наплевать.

Она трещала, не закрывая рта. Тут-то все и прояснилось. Муж ее служил офицером на острове где-то очень далеко, а ей одиноко стало, понимаете, живет себе в домике на задворках совершенно одна.

— В каком домике? — спросил я.

На клочке бумаги она черкнула адрес.

— Мне тоже одиноко, — сказал я. — Загляну вечером, поговорим.

Я жил тогда с одной, но моей бабы почти не бывало дома, шлялась где-то, и я был одинок без базара. Одиноко без такой вот здоровой задницы, что стояла рядом.

— Ладно, — сказала она, — до вечера.

Хороша-то она хороша, тетка что надо, но, как и со всеми тетками, после третьей или четвертой ночи я начал терять интерес и больше к ней не возвращался.

Но не давала покоя мысль: боже, у почтальонов других дел нет — только письма разносить да в постели барахтаться. Это работа для меня, о да-да-да.

2

Поэтому я пошел на экзамен, сдал его, сходил на медкомиссию, прошел ее, и вот я — подменный доставщик. Начиналось раз плю-

нуть. Меня отправили на участок Западный Эйвон, и все было совсем как на Рождество, только без траха. Каждый день я ждал, что меня трахнут, но меня не трахали. Бугор же был нормальный, и каждый день я, гуляючи, обходил то один квартал, то другой. У меня даже формы не было, одна кепка. Я носил обычную одежду. Мы так с моей Бетти киряли, что на одежду едва ли оставалось.

Затем меня перевели на Оукфордский участок.

Сортировкой заправлял бычина по фамилии Джонстон. Там была текучка, и я понял из-за чего. Джонстон любил носить темно-красные рубашки — они означали опасность и кровь. Сменщиков было семеро: Том Мото, Ник Пеллигрини, Херман Стрэтфорд, Роузи Эндерсон, Бобби Хэнсен, Херолд Уайли и я, Хенри Чинаски. Начало — в 5 утра, и я там единственный киряла. Я всегда квасил допоздна, а в 5 утра мы уже сидели, дожидаясь, чтоб зачли время, вдруг кто из штатных заболит. Штатные обычно бюллетенили, когда шел дождь или стояла жара или сразу после праздников, когда почты больше в два раза.

40 или 50 разных маршрутов, может, с верхом, один сложнее другого, ни в жисть не запомнишь, надо забирать почту и к 8 утра быть

как штык к развозке, а Джонстон никаких отмазок не слушал. Сменщики развозили журналы по перекресткам, оставались без обеда и подыхали прямо на улицах. Джонстон давал нам паковать ящики по маршрутам на 30 минут позже — знай крутился в красной рубашке на своем кресле:

— Чинаски, берешь 539-й!

Начинали мы на полчаса позже, но все равно полагалось развезти, доставить, да еще и вернуться вовремя. И раз или два в неделю, уже битые, отпидарашенные и выебанные, надо выходить в ночную сортировку, а расписание, пришпиленное к доске, — хреновее некуда: грузовик с такой скоростью просто не ездит. В первом завозе приходилось четыре-пять ящичков пропускать, а к следующему их уже заваливали почтой, и ты вонял и бегал, потая и распахивая все по мешкам. Нормально меня трахнули. Джонстон позаботился.

3

Джонстону потакали сами сменщики — они повиновались его невозможным приказам. Я не понимал, как такому очевидному чудовищу позволено занимать такую долж-

ность. Штатным было до лампочки, профсоюзный деятель никуда не годился, поэтому как-то раз в свой выходной я накропал тридцатистраничный рапорт, отправил копию Джонстону, а вторую взял с собой в Федеральное здание. Конторщик велел мне обождать. Я ждал, ждал, ждал. Я ждал час и тридцать минут, затем меня ввели, и я увидел седого человечка с глазами, что как сигаретный пепел. Он даже не попросил меня присесть. Едва я переступил порог, он заорал:

— Умничаешь, значит, сукин сын, так?

— Вы б не выражались, сэр!

— Вот умник выискался! Сучата, словарей нахватались и вынакиваются!

Он замахал на меня моими же бумагами. И завопил:

— МИСТЕР ДЖОНСТОН — ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

— Глупости. Он — явный садист, — ответил я.

— Ты сколько работаешь на почте?

— Три недели.

— МИСТЕР ДЖОНСТОН РАБОТАЕТ НА ПОЧТЕ УЖЕ 30 ЛЕТ!

— А это тут при чем?

— Я сказал: МИСТЕР ДЖОНСТОН — ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Бедняге, наверно, хотелось меня пришить. Должно быть, они с Джонстоном спят.

— Хорошо, — сказал я, — Джонстон — прекрасный человек. Выкиньте всю эту поеботину из головы.

Я ушел и взял себе назавтра отгул. Без содержания, конечно.

4

Увидев меня на следующее утро в 5, Джонстон крутнулся на кресле — лицо и рубашка у него были одного цвета. Но ничего не сказал. Да и пофиг. До 2 часов ночи я киял и ввинчивал Бетти. Я откинулся на стену и закрыл глаза.

В 7 Джонстон развернулся в кресле снова. Остальных сменщиков уже отправили на работу или послали на другие участки, где требовалась помощь.

— Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Он наблюдал за моим лицом. Черт, какая разница. Мне хотелось одного — лечь в постель и задряхнуть.

— Ладно, Стон, — ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Стон, но только я называл его так в лицо.